

НЕ ПРОХОДИТ ТОЛЬКО СЛОВО...

Светлана Ивановна Скорик родилась в городе Чирчик Ташкентской области, выросла на Сахалине. Поэт, литературный критик, редактор, председатель Запорожских отделений Конгресса литераторов Украины и Межрегионального Союза писателей Украины. Автор восьми поэтических книг, литературно-критических и литературоведческих статей. Принимала участие в подготовке к выпуску полной авторской версии романа Михаила Шолохова «Тихий Дон». Публиковалась в международных изданиях США, Англии, Австралии, России. Награждена Почётной грамотой исполкома Международного сообщества писательских союзов за большой вклад в укрепление духовного единства народов России и Украины. Живёт в Запорожье.

МНЕ СНЯТСЯ СЛОВА

Мне снятся слова: как ловлю их
на тёплый язык,
сажаю, лелею, выращиваю,
выпускаю,
как ими латаю немоту
и вырванный крик,
лечу ими боль, в серебрищийся
свет облакая.

И думаю тоже стихами:
не зная пощад,
во мне голосят, и пекут,
и в осаду берут,
и это для быта такой
удушающий яд,
и это для лени такой
охлаждающий кнут.

Полна я словами —
так дереву хватит плодов,
а ягод — лукошку,
а облака — алому небу,
а телу любимого —
запаха лёгких медов,
углу же — иконки с лошадкой
Бориса и Глеба.

И нет на земле ничего
ни прочней, ни мудрей,
чем жить ради этой земли
с ковылём и закатом,
и слово растить, и любить
и людей, и зверей,
на отблеск свечи в тишине
проплывая куда-то...

ГОВОРИЛИ

Говорили: брось свои ты
дактили и хореи!
Слово — ветер... Ты грызи науки
ядрён-орех. —
У меня ж в тетрадках, отчаянно
пламенея,
звонкий птенчик рассыпал
грудной и пунцовый смех.

Объясняли: вон какая силища
у науки!
Это — зримо. Взял, пощупал,
вычислил, доказал. —
Для меня же цифры были сроду
тошнее скуки,
раз они не решаются сказке
взглянуть в глаза.

Порицали: курам на смех —
игры с бесплотной буквой.
Если хочешь, лучше уж
с заморской (мудрей цена). —
У меня ж где-то рядом стояли
«цена» и «брюква»...
И на англиш не поют
соловушкой имена.

До сих пор занимаюсь не тем,
что плотно и сытно:
свист и щебет, ветер, свет,
узорочье, облака...

Жаль, кому за «ценой» —
Несказанного лик не видно:
то, что над, но о чём
догадывается рука.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТРАМВАЙЧИК

Трамвай вздохнул
заливисто-заливисто!
Такой катился маленький
и мокрый,
что сам июль, шипучий
и игристый,
с улыбкою заглядывал за стёкла.

Играли лужи на путях
трамвайных,
переливаясь искрами
и вспышками,
и фары в них дрожали,
волновались,
и ветер на цветок меж рельсов
брызгал.

Малиновая ягодка-трамвайчик,
как музыкальный ящичек
с секретом,
ведёт тебя мелодии штурвальчик
по жаркой неге ультрафиолета.

И этих пар случайно ли прогулка
вдоль по проспекту вздохов
и признаний?
Трамвай вздохнул заливисто
и гулко,
из самого нутра воспоминаний.

И он был молодым
и необъезженным,
ретивым скакуном
на рельсах-прериях,

А в глазах у внучки —
рыжие искринки,
огонёк насмешки, жалости,
любви:
что — десерт? ну ладно, лишь бы
не поминки,
не хвораи, бабуля, и ещё живи...

Рыжая девчонка детства золотого,
дерзкие веснушки, лёгкая душа...
Внуки нам, пожалуй, самое
святое —
их растим мы умно, с чувством,
не спеша.

Детям не додали толики
вниманья,
времени и такта не хватило — вот
рыжая девчонка, Женя или Маня,
и «бабуля» знает, для кого живёт.

СТИХИ СОТВОРЕНИЯ

1. ПОСТЕЛЬ

Я постелила поле
с пуховым одеялом.
Я постелила поле —
мне показалось мало.
На чёрном балдахине
я вышила луну.
И звёздочки — как иней.
Пойду часок сосну.

2. РАССВЕТ

На сонный тёплый травный пар
я прикрепила алый шар,
чтоб он стремглав над лугом рос,
рассыпав золото волос,
весёлый источая свет.
Ну, и пошла встречать рассвет!

3. СОТВОРЕНИЕ

Долго вешала в горах
параллели на ветрах,
а потом я, как лианы,
заплела меридианы
и пустила сини воды,
чтоб держали неба своды.
Не хватает лишь для смеха
человека — на потеху.
Образец, решила, дам.
...Как же! Вышел лишь Адам.

4. РОССИЯ

Замесила глины ком —
вышел луг с березняком,
василёчков натрусил,
вышила. Смотрю — Россия.
Чтоб добру не пропадать,
надо б ей и бабу дать.

5. И ВСЁ?

*Сейте разумное,
доброе, вечное...*

Н. Некрасов

Что-то натворила,
что-то сотворила,
думала, искала...
Мама наругала
и послала руки мыть,
а о слепленном — забыть.
Если выйдет убежать,
буду доброе сажать.

В жёлто-пламенной коробочке
трамвая,
так, что веточки порхают
по стеклу,
уноситесь, уноситесь в ситцы мая,
к пониманью и душевному теплу.

Не глядите, не глядите
в прошлый вторник,
дует губки там обида-стрекоза.
Пусть случился этот год
горчично-горек,
всё исправит нам удачи полчаса.

Ну их, право!..
эти ссоры-разговоры,
эти мелочные, склочные деньки,
эти доводы, доходы и миноры... —
Всё проходит, даже проводы
легки.

Май малиновый, волшебник
наш медовый,
не лиши нас красноречья
соловьёв!
Всё проходит. Не проходит
только Слово,
хоть под Ним всяк понимает
лишь своё...

ЗНАЕШЬ, НЯНЯ

Знаешь, няня, ведь и Пушкину,
бывало,
так грустилось — мол, потомки
не читают, —
что откидывал мороза покрывало,
минус сорок крепкий градус
обретая.

Знаешь, няня, не в твоей тут
кружке дело,
а в поэзии, настоящей на спирте
нашей жизни. Нет, недаром
слово пело, —
словно с братом вы сердечно
говорите.

Знаешь, няня, нынче модно
отчего-то
стало гадости о гении прохрюкать.

Знал бы Пушкин, что не в масть
его работа,
благодарен был бы хряку за науку.

Знаешь, няня, а давай пошлём
в болото
и потомков, и писателей
из хряков!
Был бы Пушкин в наших душах!
А под сводом
нашей жизни приспособимся
мы всяко.

РОССИЯ, РУСЬ...

И будут снова поле, небо, избы,
морозец славный, снег
и Дух Святой,
и дым взойдёт из труб колечком,
лишь бы
вставало солнце сразу за верстой,

и руки не забыли вкус работы,
и сердце не умаялось в тоске,
и по трудам судили люди, кто ты,
а остальное — в Божией руке.

А коли живы мы, жива Россия,
что ей обвал, и спад,
и круговерть!
Наступит время —
снова будут силы
всё возродить, наполнить,
отогреть.

Россия, Русь, не оттого,
что должно,
пою тебя, а просто ты мне мать,
и если мать свою предать
возможно,
и если мать свою хулить
возможно,
то как же честь и совесть
не предать...

Какое счастье, Боже, в час потери
и даже за пределом той земли —
в свою Россию беспробудно
верить
и сохранять в себе её вдали.

*Есть такая сторона —
русская поэзия.*

Николай Ушаков

Запорожская земля,
русская поэзия —
есть такая сторона, и стихия есть.
Речевых и рачьих волн
выпущены лезвия
этой речкой и скалой.
Этим веком. Здесь.

Не стесняясь, как свои деревцу
и кустик
на днепровском берегу, —
развернуться чтоб, —
наших хортицких ветров
пробуем акустику,
и взлетает вверх, как стяг,
вдохновенный трёп.

Не играя — дорожа словом
как пристанищем
и листвы огульный гул
принимая всласть,
здесь мечтаю и люблю
вместе сотоварищи.
Нас не вытравить, не смять.
В веке не пропасть.

Это — буйная земля,
головы бедовые.
Что с того, коль глух и к нам,
и к стихам народ?

Равнодушье и хула —
это дело плёвое,
а призвания у нас Бог не отберёт.

Оттого и пишем мы
встрёпанно и взорванно.
На везенье, на добро —
в слове и в судьбе —
как не петь и не любить
на четыре стороны?
Есть такие времена —
точно по тебе.

Есть такая сторона —
на семи пожарищах.
Частокол горячих глыб.
Сочная листва.
Здесь пишу я, как дышу,
вместе сотоварищи.
Рачий брод и щучий род.
Русские слова.

Я РОССИЕЙ БОЛЕЮ ДАЛЁКОЙ

Оглушённая, отрешённая,
вознесённая тишиной,
заповедной звездой зажжённая
в стороне одной островной,

среди таёжной глуши высокой
под заснеженный ветра вой,
я Россией жила далёкой,
я Россией жила живой.

Было пушкинскую Аврору
выходящее в мир окно,
предрассветное, самотворное,
в миф и сказку отворено.

Среди kloкочущих речек горных
в лососёвый смертельный путь
так и вышла я — самотворной,
не столичную ни на чуть.

И теперь из глубинки вишнёвой,
где персидский у персика сон,
всё тянусь я к русскому слову,
чей колышет мя «Тихий Дон».

Дай мне, Отче, причастья речи
голосистой, живой, родной.
«За шеломянем» я, далече,
вознесённая тишиной.

УГЛАНЫ

*И переулков лающих чулки,
и улиц перекошенных чуланы,
и прячутся поспешно в уголки,
и выбегают из углов угланы.*

О. Мандельштам

Опять идёт великий перелом —
упитанные фразы неуместны.
Пора — для нас, угланов
из углов,
кто слеплен из другого теста.

Костистей, твёрже, резче.
Не прямей —
изломанней, из бытности и быта.
Мы не играем с жизнью
в буриме,
мы не элита.

От звука, силы, жеста веселы,
на первородство и не намекаем.
Полны затей угланы и углы —
задворки края.

О лай же, насмехайся, ври,
колдуй,
всех возводи в свои враги
и други,
провинция, внушённая листу
суфлёром муки!

Ты выступишь, любимое дитя,
язык спасёшь от идолов измены,
шагая по истории шута
и сокровенно.

